

Мастер отложенной СМЕРТИ

— RealRPG —

Евгений Голубев

Евгений Голубев

Мастер отложенной смерти

«Автор»

2026

Голубев Е. В.

Мастер отложенной смерти / Е. В. Голубев — «Автор», 2026

Первая книга цикла "Система". Зомби-апокалипсис обрушился на мир, погрузив города в хаос. Ошарашенные люди отчаянно цеплялись за жизнь, но судьба готовила им новый поворот. Спустя сутки реальность переписала правила: в мир ворвалась Система. Она наделила выживших базовыми навыками и присвоила каждому класс — в зависимости от того, как человек держался в первые критические часы. Илья волею судьбы оказался заперт в подвале. Казалось, стены защищали от орд заражённых, но голод и тьма становились не менее страшными врагами. Какой класс достанется тому, кто не сражался, а выживал в тишине? Какие навыки помогут выбраться из ловушки, когда мир рушится на глазах? История о том, как осторожность и расчёт могут стать самым грозным оружием.

© Голубев Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Взаперти	5
Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	16
Глава 4.	19
Глава 5.	22
Глава 6.	25
Глава 7.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мастер отложенной смерти

Часть 1. Взаперти

Глава 1.

Илья Морозов вжался в кирпичную стену и не дышал. За слуховым окном — узкой прорезью на уровне асфальта — кто-то остановился.

Тень легла на тротуар и замерла. Секунду назад там никого не было.

Небо наливалось густой синевой, будто кто-то вылил в него чернила, и они медленно расползались по куполу, стирая последние оттенки заката. В этой синеве осталась только холодная, равнодушная тяжесть. День окончательно проиграл ночи.

Каждый шорох снаружи бился в груди тупой болью. Ветер шевелил обрывок пакета — Илья вздрагивал. Скрип металла вдалеке. Чей-то сдавленный крик, оборвавшийся на полуслове. Потом — низкий, утробный рык, от которого волосы на затылке вставали дыбом. Ногти впились в ладони, оставляя на коже тонкие полумесяцы, почти незаметные в темноте, но остро ощутимые. Ему хотелось зажмуриться и проснуться, но реальность цеплялась за него холодом сырого подвала и этой узкой щелью, через которую он видел, как рушится мир.

Сырость пропитала одежду насквозь — он не помнил, когда именно. Может, в первые минуты, когда ввалился сюда и рухнул на бетонный пол, а может, позже, когда время перестало существовать и осталось только ожидание. Подвал дышал на него затхлым воздухом, тяжёлым от пыли и плесени, и в этом дыхании не было ничего живого. Илья почувствовал, как пальцы начали мёрзнуть — медленно, по одному, будто холод забирался под кожу с кончиков и полз выше, к запястьям, к локтям. Он сжал и разжал кулаки. Раз. Другой. Нужно было чувствовать руки — они ещё пригодятся.

Где-то наверху, в мире, который ещё вчера назывался нормальным, разбилось стекло. Звук был коротким и чистым, как звонкий аккорд посреди какофонии, и от этой чистоты стало ещё страшнее. Потом — тяжёлый грохот, будто кто-то выломал оконную раму целиком, и следом — визг, оборвавшийся так резко, что Илья понял: тот, кто кричал, уже был мёртв. Он закрыл глаза и сосчитал до пяти. Это помогало в детстве, когда просыпался от кошмара. Не помогло. Кошмар никуда не делся, потому что он не спал.

Выстрел — резкий, чужой — ударил по ушам. Городской шум, прежде казавшийся фоном, рассыпался на отдельные фрагменты: шорохи, хрипящие звуки, торопливые шаги. Улица ожила и металась. Илья отступил вглубь подвала, стараясь слиться с темнотой. На мостовую легли удлинённые тени от садящегося солнца, которое ещё цеплялось за горизонт. Шаркающие шаги удалялись к месту выстрела. Каждый удар по мостовой отдавался внутри глухим эхом.

«Они повсюду». Мысль мелькнула и осела в сознании тяжёлым грузом. «Главное — не шуметь, иначе мне хана».

А ведь всё начиналось так буднично. Сумка продуктов: хлеб, молоко, банка горошка, палка колбасы. Он возвращался из магазина и думал, что заварит крепкий чай, сядет у окна и дочитает ту странную книгу про постапокалипсис, которую подсунул знакомый. «Для атмосферы». Ирония теперь казалась злой и неуместной.

День тогда выдался обычным — пасмурное утро, ветер с Енисея, запах тополиного пуха, который ещё висел в воздухе, хотя лето уже перешагнуло через макушку. Илья шёл через двор, кивал соседям, привычно обошёл лужу у подъезда — всё на автомате, как шёл сотни раз. У магазина задержался — рассматривал витрину строительного отдела, прикидывая, не купить

ли второй шуруповёрт, пока скидка. Не купил. Решил, что успеет. Мир был таким знакомым, что мозг уже не отмечал его детали, просто скользил по поверхности. И именно эта знакомость сейчас казалась самой большой ложью — будто всю жизнь шёл по декорации, которая только и ждала момента, чтобы осыпаться.

Поворот за угол — и привычный мир треснул по швам.

Мужик вцепился зубами в плечо какого-то парня. Тот орал и вырывался, дёргаясь, как марионетка с обрезанными нитями. Илья замер. Это было похоже... На что это похоже, он определил мгновенно. Но поверить не мог. Крики о помощи звучали слишком по-настоящему — животный, чистый ужас, без актёрской интонации.

Он обошёл их, прижимая к груди сумку, будто тонкий полиэтилен мог защитить. И тут увидел ещё одного. Тот шёл рваной, дёрганой походкой — тело отказывалось подчиняться привычной механике. Рычание вырывалось из горла, хриплое и злое, словно внутри застряла сломанная сирена. Кожа — синюшная, неестественно тёмная. А глаза... белки в сетке полупавшихся капилляров, зрачки мутные, пустые, как у мёртвой куклы.

Организм не стал тратить время на сомнения. Ноги сами понесли его прочь.

Он бежал, не разбирая дороги, петляя между гаражами и мусорными баками, и каждый поворот мог стать последним. На улице Вавилова — он понял это по старой табличке, которая мелькнула справа — навстречу попала женщина. Она шла быстро, прижимая к себе ребёнка, и на секунду Илья испытал облегчение настолько резкое, что чуть не остановился. Живые. Но женщина прошла мимо, не повернув головы, и в её взгляде он увидел то, что убило надежду быстрее любого рыка: пустоту. Она смотрела сквозь него, будто его не было, будто весь мир сузился до точки, где находился её ребёнок, и больше ничего не существовало. Илья понял — каждый сам за себя. Помощи не будет.

Он свернул в проулок между двумя пятиэтажками, и тут сумка зацепилась за торчащий из металлического ограждения прут. Рванул — полиэтилен лопнул, банка горошка покатила по асфальту с глухим звоном, который в тишине показался оглушительным. Илья замер, не дыша. Из-за угла, метрах в двадцати, донёсся шорох. Потом ещё один. Ближе. Он лихорадочно собрал рассыпавшиеся продукты, сунул всё обратно в порванную сумку и рванул дальше. Бегущий не думает. Бегущий считает шаги до укрытия.

Железная дверь с облупившейся краской. Рванул на себя, ввалился внутрь, захлопнул с такой силой, что ручка осталась в руке — холодная, чужая. Внутренности замка с жалобным хрустом провалились внутрь. Щёлк. Тишина — тяжёлая, давящая. Он остался заперт. В этом звуке было что-то окончательное, как в захлопнувшейся крышке гроба.

Сердце бешено колотилось. Дыхание сбивалось. Одна мысль: «Только бы не услышали». Илья отполз в темноту, прижался спиной к стене.

Снаружи — тяжёлые, шаркающие шаги. Кто-то подошёл к двери. Скребук по металлу, будто пытаются нащупать щель, почувствовать, есть ли внутри тепло живого. Глухой удар. Ещё один. И ещё. Илья закрыл глаза и стиснул зубы. Холод стены пробирался сквозь одежду, сырость оседала на коже. Каждая секунда тянулась как вечность.

Удары прекратились, но шаги все ещё слышны. Что-то топталось за дверью, ходило туда-сюда, и в этом ритме было нечто механическое, бездумное, как заевший механизм, который повторяет одно и то же движение без смысла. Илья слышал, как тяжёлое тело шоркало ногами о порог, и от этого звука по спине пробежал холодок. Потом — долгий, неровный выдох, похожий на стон, и шаги наконец начали удаляться. Сперва медленно, будто существо решало, стоит ли уходить, потом быстрее, привлечённое чем-то другим — новым звуком, новой добычей, чем угодно. Илья не молился — не умел, но в тот момент, когда шаги растворились в шуме улицы, он испытал нечто похожее на благодарность. Кому — он не знал.

Минуты шли. Илья не двигался — просто сидел в темноте и слушал, как его собственное дыхание возвращается к норме. Сердце замедлилось, адреналин начал спадать, оставляя после

себя пустоту и ломоту во всём теле. Он понял, что дрожит — мелко, неудержимо, как после электрического удара. Это не от холода. Это отходняк. Организм перерасходовал всё, что мог, и теперь требовал отдыха. Илья позволил себе ещё пять минут — просто сидеть, привалившись к стене, и ни о чём не думать. Потом нужно было двигаться. Потом — да. Но не сейчас.

Только тогда он позволил себе сделать первый нормальный вдох. В груди закололо.

Он сел, привалившись к стене, и попытался оценить повреждения. Левое колено саднило — наверное, зацепил край ступени, когда вваливался. Рёбра с правой стороны ныли — то ли от бега, то ли от удара, который он даже не запомнил. Пальцы на правой руке — та самая, в которой осталась ручка двери — были белые и не слушались, будто он держал лёд. Илья размял их один за одним, морщась от тупой боли в суставах. Рука работала. Ноги работали. Голова — пока на месте. На этом самодиагностика пока была окончена. Но этого пока хватит — а дальше будет видно.

Телефон. Он чуть не забыл. Илья торопливо выудил его из кармана — экран мигнул, 12 процентов заряда. Сеть: нет сигнала. Он поднёс телефон к окну, повёл из стороны в сторону — одна палочка, потом исчезла. Экран мигнул уведомлением — три непрочитанных сообщения, отправленных ещё когда всё было нормально. Подруга: «На выходные всё в силе?» Друг: «Ты видел новости?» И реклама от магазина, в котором он только что был. Будто из другой жизни, из того времени, когда сообщения имели смысл. Он набрал 112 — гудка не было, просто тишина, как будто телефон сломался. Потом экран погас, и Илья нажал кнопку выключения, чтобы он не садился зря. 12 процентов — это, может, два часа экрана. Или пару дней в режиме ожидания, если больше его не трогать. Он сунул телефон в карман.

В подвале не было воды — он проверил, провёл ладонью по трубам, которые шли вдоль потолка, но они были сухие и не холодные, проложены много лет назад. Технических заглушек не оказалось, крана тоже. Зато в углу, за ванной, он нащупал пластиковую бутылку — пустую, с узнаваемой надписью на этикетке, выцветшей до нечитаемости. Илья потряс — ни капли. Поставил обратно. Жажда ещё не давала о себе знать, но он знал, что это вопрос времени. Сухость во рту — от страха, а не от обезвоживания. Пока. Но если заточение затянется, вода станет проблемой раньше, чем голод.

Теперь он сидел в полумраке и смотрел, как догорает день. Длинное слуховое окно — единственный путь наружу, но он в него не пролезет: слишком узкое, слишком низкое, продух для вентиляции и только.

Зомби. Илья принял это слово — оно стало реальным, как «человек» или «тварь». Они бродили по тротуару, натывались на стены, замирали, будто прислушиваясь, а потом шли вперёд, ведомые голодом или тем, что заменяло им желания. Иногда находили жертву: резкий крик, короткая возня, тишина — и чавканье, сухое и жуткое, как звук ломающейся ветки в морозном лесу.

Илья отвёл взгляд, но тут же заставил себя посмотреть снова. Нельзя прятаться от правды, даже если она страшна, как ночной кошмар. Он провёл ладонью по лицу, чувствуя под пальцами грубеющую щетину.

«Так, спокойно». Шёпот прозвучал тихо, но в замкнутом пространстве подвала создался эффект, как в тоннеле — звук обхватил стены и вернулся назад, плотный и усиленный. «Сначала понять, потом действовать. Не паниковать».

Он повёл взглядом по подвалу. Тесно, сыро, пропахло пылью и затхлостью. Других выходов нет: глухие кирпичные стены, низкие перекрытия и эта злополучная дверь. В дальнем углу — старая чугунная ванна, тяжёлая, чёрная от времени, с отбитыми краями. Рядом — куча строительного мусора: обрезки досок, куски фанеры, моток ржавой проволоки, тряпки, слипшиеся от сырости.

Илья прищурился и поймал себя на мысли, что даже в этом бардаке видит ресурсы. Человек, который знает, что завтра может не быть магазина, а будет только то, что окажется под рукой.

Это была его старая привычка — видеть в беспорядке систему. Ещё со времён, когда подрабатывал в мастерской у дяди. Тот ворчал: «Ты опять копаешься в хламе, будто там клад ищешь». А Илья и правда находил: деталь, которую можно доработать, кусок металла для крепежа, обрезки проводов для самодельных схем. Он любил, когда вещь получала вторую жизнь. Эта привычка осталась — всегда сначала смотреть, что есть под рукой.

В памяти всплыл другой случай. Лет пять назад он помогал соседке разбирать кладовку. Она вздыхала: «Сколько ненужных вещей, хоть на помойку всё носи». А Илья машинально отметил, что половина этого добра — готовые заготовки: старые крючки, куски пластика, баночки с гвоздями. Он молча сложил всё в отдельный мешок, а через неделю собрал из этого держатель для инструментов, который соседка потом хвалила. «У тебя глаз намётанный», — говорила она. Сейчас этот «намётанный глаз» пытался выпепить из темноты подвала хоть что-то, что поможет пережить этот кошмар.

Эта привычка работала против паники. Пока мозг кричал: «Мы в ловушке!», руки и глаза автоматически сканировали пространство: «Что тут можно использовать?» Илья тихо хмыкнул — и тут же замер, прислушиваясь к улице. Не привлёк ли? Но снаружи был только тягучий шум города, звучащий чуждо, будто на незнакомом языке.

Взгляд зацепился за ванну. Чугун тяжёлый, но если перевернуть — заслон или укрытие, если кто-то полезет через окно. Одному не сдвинуть. Проволока — для растяжки, примитивной ловушки, которая задержит преследователя хоть на секунду. Он поймал себя на том, что думает «как сделать», а не «как выбраться», и это успокоило, как привычное занятие, возвращающее ощущение контроля.

В институте он ходил на факультатив по выживанию. Преподаватель — бывший спасатель — повторял: «У тебя не будет того, что ты хотел бы иметь. У тебя будет то, что оказалось под рукой. И твоя задача — сделать из этого достаточно, чтобы выжить». Тогда эти слова казались театральными. Теперь — единственной рабочей схемой.

Илья прислонился затылком к стене, прикрыл глаза на секунду. Потом снова открыл и осмотрел подвал — уже оценивая. Ресурсы были скудными, но они были.

Он подобрался к куче мусора и начал аккуратно, стараясь не шуметь, перебирать содержимое. Обрезок доски — короткий, сантиметров десять, крепкий, не гнилой. Проволока — ржавая, но при сгибании не лопнула, значит, ещё выдержит нагрузку. Кусок фанеры — небольшой, сантиметров тридцать на сорок, тонкий, но прочный. Можно прикрыть им что-нибудь или использовать как подставку. Тряпки — скользкие, неприятные на ощупь, но если намотать на обрезок, получится утолщение, которым можно ткнуть в лицо. Не оружие — так, подручная штукавина, которая в крайнем случае даст лишнюю секунду. Илья разложил всё вдоль стены, как хирург раскладывает инструменты. Обрезок — справа. Проволоку — рядом, свёрнутую кольцом. Фанеру — к стене. Тряпки — откинул в сторону. Он не знал, пригодится ли это. Но руки, занятые делом, действовали увереннее, чем разум. Как говорил преподаватель: «Действие убивает страх. Бездействие кормит его». Глупое занятие, но оно помогало побороть панику.

Он обошёл подвал по периметру, прижимая ладони к стенам, — искал слабые места. Кирпич везде был крепкий, без трещин и сколов. Перекрытия — низкие, бетонные, без признаков влаги сверху. Единственная стена, которая отличалась от остальных, — та, что за ванной. Там кирпич был старше, с другой фактурой, и в одном месте Илья нащупал выемку, похожую на закладной камень. Он надавил — камень качнулся, но не поддался. Может, просто пустота в кладке. Без молотка или хотя бы крепкой отвёртки камень не сдвинуть. Илья отступил и снова сел у стены, подложив под себя кусок фанеры, чтобы не сидеть на холодном бетоне.

Спустя некоторое время он снова подошёл к двери и провёл ладонью по её внутренней стороне. Металл был холодный и шершавый, с наплывами старой краски. Внутренний замок — мёртвый: личинка провалилась внутрь, и вытащить её не представлялось возможным. Но замок — это ещё не вся дверь. Илья провёл пальцами по верхним петлям — тяжёлые, литые, прикручены болтами к дверной коробке. Если снять дверь с петель. Но сделать это можно только снаружи. Он прижался ухом к металлу и замер. За дверью — тишина. Не та спокойная тишина, которая бывает, когда вокруг безопасно, а мёртвая, как в закупоренной консервной банке. Где-то далеко, на улице, шаркали ноги, но рядом с дверью — никого. По крайней мере, сейчас.

Через окно он видел фрагмент улицы — метра три-четыре тротуара, край бордюра, торец дома напротив, рядом с которым темнели кусты. Всё, что дальше, уходило в темноту, где фигуры угадывались скорее по движению, чем по очертаниям. Илья прикинул: если лезть через окно, нужно лежать на спине и протискиваться боком. Пролезет ли? Плечи — точно нет. Разве что ребёнок. Он отмёл этот вариант.

Один из зомби остановился прямо напротив окна.

Наклонил голову. Принюхивался, как собака, которая чует дичь. Илья замер, стараясь даже не дышать. Капля пота стекла по спине — холодная, липкая. Секунды тянулись, как резина.

Зомби дёрнул плечом. И пошёл дальше.

Илья выдохнул — только теперь почувствовав, как напряглись все мышцы, как тело держалось на одном напряжении, не позволяя себе расслабиться ни на секунду.

Вдруг в животе заурчало, но есть не хотелось — голод приглушён страхом и адреналином. Он осторожно убрал пакет с едой в сторону, стараясь не шуршать полиэтиленом. Стратегический запас, который нельзя тратить без нужды.

Он подумал о книге. Той самой, про постапокалипсис. Там герой — какой-то бывший морпех с квадратной челюстью и стальным самоконтролем — в первую же ночь находил оружие, союзников и относительно безопасное убежище с водой и продуктами. Илья невольно усмехнулся. Книга врал. Книга врала обо всём, кроме одного: страх пахнет железом и грязью, и от него не отмахнёшься, как от мухи. Он въедается в одежду, в кожу, в мысли, и остаётся там даже тогда, когда непосредственная угроза уходит. Тот морпех из книги не трясся в подвале с дрожащими руками и банкой горошка. А Илья трясся. И от этого было стыдно — не перед кем-то, а перед самим собой.

Через окно он видел, как улица менялась. Темнота густела, и зомби в ней теряли очертания — оставались только звуки и запахи. Запах он уловил не сразу: сладковатый, тяжёлый, с металлической ноткой, пробивавшийся даже через подвальную затхлость. Он вызывал тошноту, и Илья дышал через рукав, прижимая ткань к лицу. Время потеряло значение. Он не знал, сколько прошло — час, два, полчаса. За окном менялись тени, иногда вспыхивал далёкий свет — кто-то что-то жег, или это был пожар, где то далеко. Город умирал медленно и мучительно, и Илья наблюдал за его агонией через узкую щель, как зритель в ложе кинотеатра.

Где-то вдалеке, за квартал отсюда, снова застучали выстрелы — частые, злые, как будто кто-то отстреливался из пистолета. Илья прислушался. Считал: раз, два, три... семь. Потом тишина. Он пытался представить, кто это — военные? Полиция? Просто горожанин с личным оружием? Если военные — значит, кто-то наводит порядок. Значит, есть куда идти. Но выстрелы стихли, и вслед за ними донёсся звук, который Илья уже научился распознавать: шарканье множества ног, стягивающихся к одной точке, как стая стягивается к добыче. Кто бы ни стрелял, его окружали.

Илья попытался выстроить план. Вариант первый: ждать до утра. Может, днём зомби станут менее активными — в фильмах так. Но фильмы — это фильмы, а здесь на кону жизнь. Вариант второй: найти способ открыть дверь изнутри. Замок сломан, полотно можно снять

только снаружи. Вариант третий: окно. Но он в него просто не пролезет. Четвёртый: ждать, пока появится живой человек, и просить помочь с дверью. Самый реальный — и в то же время не надёжный. Потому что «живой человек» снаружи будет занят спасением своей жизни и навряд ли будет рисковать помогая незнакомцу. Но Илья отбросил эту мысль — сейчас загоняться на тему морали это значит терять надежду.

Паника накатывала волнами. «Что делать? Как выбраться?» — вопросы бились в висках, мешая сосредоточиться. Илья снова посмотрел на окно. Если бы снаружи оказался кто-то знакомый, но это не реально.

Он подполз к окну и осторожно выглянул. Внизу мелькали тени. Зомби бродили рядом, их силуэты сливались с темнотой. Позвать — значит выдать себя. Но сидеть молча — значит остаться в этой каменной коробке, пока голод, холод или случай не решат его судьбу.

Решение пришло спокойно и заняло своё место в голове, вытесняя панику. Он не станет кричать, пока зомби рядом. Будет ждать. Ждать когда все утихнет — чтобы обозначить своё присутствие, мало ли вдруг рядом есть товарищ по несчастью.

Илья прижался лбом к холодному бетону под окном и замер. Ждал.

Улица затихала. Шаркающие шаги удалялись — один, второй, третий силуэт скрывался в темноте. Рядом с окном — никого. Ещё секунда. Ещё одна.

Он набрал воздуха в грудь, открыл рот —

За спиной, в двери, что-то скрипнуло.

Глава 2.

Илья сидел, почти слившись с темнотой подвала, и, не отрываясь, смотрел в узкое слуховое окно. Снаружи город доживал свои последние часы, как единый живой организм, который медленно терял кровь. Сумерки окончательно сменились ночью, но темнота не укрыла улицу: где-то вдали полыхало зарево — пожар разгорался уверенно, будто кто-то щедро плеснул бензина. Отсветы ложились на асфальт неровными рыжими пятнами, дрожали, переливались, то вспыхивая ярче, то почти угасая, и в этом тревожном свете зомби казались не просто страшными — они выглядели как часть нового, неправильного порядка вещей, словно сама ночь приняла их в себя, сделала своими союзниками.

Илья машинально отметил: «Свет отключат в течение суток. Если не раньше». Он не был экспертом по инфраструктуре, но логика работала чётко, холодная и безжалостная, как лезвие ножа, отсекающее иллюзии. Электростанции требуют обслуживания, а люди либо бегут, либо становятся теми, кто на них охотится. Без операторов, без диспетчеров, без аварийных бригад система начнёт сыпаться, как картонный домик, где даже лёгкое дуновение ветра способно обрушить всю конструкцию. Сначала отдельные районы, потом целые узлы. Вода уйдёт следом: насосы не будут качать, давление упадёт — или, наоборот, в отдельных участках резко подскочит, и трубы лопнут, выплёскивая воду в подвалы и улицы, добавляя хаоса в и без того рушащийся мир. Город, привыкший к комфорту, станет хрупким за считанные дни, и его бывшее величие обернётся проклятием — слишком много сложных систем, слишком много точек отказа, слишком мало людей, способных удержать всё это на плаву.

«А военные и полиция?» — Илья сам себе задавал этот вопрос, будто надеялся услышать ответ из темноты, из тишины, которая теперь густела, наполняясь невидимым напряжением, готовым в любой момент взорваться новым звуком. Скорее всего, в первые часы они пытались удержать периметр, организовать эвакуацию, выставить кордоны. Но если заражение пошло волной, если оно было быстрым и массовым, у них просто не хватило времени. Кордоны могли рухнуть изнутри: заражённые среди своих — худший сценарий, когда доверие к тем, кто стоит рядом, становится смертельно опасным. Возможно, где-то ещё держались штабы, возможно, кто-то пытался координировать действия, но здесь, в этом районе, помощи ждать было неоткуда. Илья видел, как рассыпается порядок: сначала крики, потом выстрелы, потом тишина, которую заполняли иные звуки — шарканье, хрип, рычание, каждый из которых вбивался в сознание, словно тяжёлый гвоздь.

Шум по асфальту бегущего человека вырвал его из раздумий. Кто-то быстро приближался. Илья приник к окну, и тут в поле зрения попала тень: кто-то бежал совсем рядом. Ритм шагов резко оборвался, и напротив его окна упала девушка. Несколько секунд зависания — время остановилось, растянулось, как тягучая смола, в которой застыли и её падение, и его взгляд, и даже воздух, казалось, перестал двигаться. Илья видел перед собой лежащую девочку: её растрёпанные волосы закрывали лицо, чулки на ногах порвались, обнажая тонкие царапины, а на этих царапинах проступила кровь, тёмная в полумраке. В этом было что-то невыносимо хрупкое и незащищённое, что резануло по нервам сильнее любого крика.

Он очнулся и затараторил:

— Помоги! Я заперт в подвале, не могу выйти!

Девушка вздрогнула, вскинула голову и уставилась ему в лицо. Большие напуганные глаза смотрели с ужасом, в них отражался и свет пожара, и сама ночь, и что-то ещё, что Илья не успел прочитать, — чистый, животный страх, который не оставляет места для сострадания.

— Помоги открыть дверь! Дерни снаружи, только не уходи! Слышишь!

Справа донеслось рычание и звон разбитого стекла, резкий и неприятный, как сигнал тревоги. Она метнула взгляд в ту сторону, одёрнула задравшуюся юбку, будто этот жест мог вернуть ей хоть каплю контроля над ситуацией, и вскочила на ноги.

— Стой, не уходи, я же сдохну взаперти! — Илья отчаянно закричал, но шаги незнакомки стремительно удалялись, растворялись в шуме улицы, становились частью общего хаоса, который поглощал всё живое.

Прошло полчаса. Волна эмоций схлынула, оставив после себя лишь усталость и горькую ясность. Илья смог трезво оценить реальность: помочь ему она не могла. Хотелось думать, что она вернётся с подмогой, что где-то там, за пределами этого двора, есть люди, которые ещё помнят, что значит помогать друг другу. Но разум безжалостно подсказывал: не вернётся. В мире, где каждый шаг может стать последним, чужие проблемы становятся непозволительной роскошью.

Он снова прильнул к окну и продолжил наблюдать, фиксируя детали, словно составлял отчёт для самого себя, пытаясь превратить хаос в систему, чтобы не сойти с ума от неопределённости. И чем дольше он смотрел, тем яснее становилось: зомби не были одинаковыми. Одни двигались медленно, волоча ноги, будто каждое движение давалось им с трудом, словно их тела сопротивлялись приказам, которые отдавал новый, чужой инстинкт. Другие были резче, стремительнее, их походка напоминала рваный бег, будто они учились двигаться заново, осваивали новые возможности своих изменённых тел. Были и такие, что выглядели почти измождёнными, едва держались на ногах, а рядом с ними шагали массивные, плотные фигуры, будто заражение сделало их тяжелее, плотнее, сильнее, превратив в живые тараны.

Сначала Илья подумал, что разница в поведении и внешности — это просто разница в телосложении до заражения, в том, какими они были при жизни. Но чем дольше он следил, тем больше находил подтверждений другой мысли: они менялись. Развивались. Убивая и пожирая людей, они становились другими. Не просто сытыми — изменёнными. У кого-то кожа темнела, приобретая странный, почти восковой оттенок, у кого-то мышцы будто набухали, движения становились увереннее, взгляд — если это можно было назвать взглядом — холоднее и злее, как будто в нём просыпалось что-то древнее и беспощадное.

Илья нахмурился. Слово «заражение» показалось ему странным, чужим, будто оно принадлежало другому контексту, другой реальности. Почему он вообще решил, что зомби — это результат заражения? И тут же сам себе ответил: потому что так пишут в книжках, потому что это самый простой и понятный способ объяснить необъяснимое. Тем более других вариантов, чем ещё можно объяснить появление зомби — да ещё и так массово, — у него не было. «Зомби ли это вообще? — мысль легла тяжёлым грузом. — Или кто-то решил превратить фантастику в реальность?» Но эта мысль была слишком пугающей, чтобы всерьёз её обдумывать. Сейчас важнее было то, что он видел своими глазами, факты, которые нельзя было отрицать, даже если они не укладывались ни в одну известную теорию.

Особенно его внимание привлек один экземпляр — в форме доставщика пиццы. Он появлялся в поле зрения регулярно, словно у него был свой маршрут, как будто какая-то часть прежней жизни ещё цеплялась за него, заставляя двигаться по привычным траекториям. В первый раз Илья заметил его, когда тот медленно брёл по тротуару, пошатываясь и задевая стены, как человек, потерявший ориентацию в пространстве. Через какое-то время он вернулся — уже с пятнами тёмной крови на жёлтооранжевой ткани, которые выглядели как уродливые кляксы, нарушающие привычную цветовую схему. Потом Илья увидел, как он набросился на человека, прижавшегося к витрине магазина. Сцена была короткой и жестокой: рывок, удар, падение, хриплый вопль, оборвавшийся слишком быстро, будто звук просто выключили. А когда зомби поднялся, Илья заметил перемены: плечи стали шире, мышцы на руках и шее словно натянулись, движения — чётче, будто он учился на ходу, осваивал новые возможности своего тела. В

следующий раз он уже не шатался. Он шёл целенаправленно, сканируя пространство, как хищник, который знает, что территория принадлежит ему. Это была тварь — слово само всплыло в сознании, без всяких метафор, просто как единственно подходящее обозначение.

Илья смотрел на него и холодел от понимания. Это не просто заражение. Это эволюция в реальном времени. И каждый убитый человек делал их сильнее. Эта мысль была настолько пугающей, что Илья на секунду отвёл взгляд, но тут же заставил себя смотреть снова. Нельзя было прятаться от правды, даже если она ломала привычную картину мира, разрывала её на куски, оставляя только острые края, о которые можно порезаться.

Несколько раз ему пришлось наблюдать сцены убийств. Они были разными: где-то жертва пыталась отбиваться, размахивая какой-то палкой или сумкой, как будто эти предметы могли защитить от того, что уже не подчинялось человеческим законам. Где-то просто бежала, пока её не настигали, и тогда бег обрывался резким, неестественным движением, похожим на то, как ломается ветка под тяжестью снега. И каждый раз после трапезы зомби менялись. Ктото становился быстрее, его движения приобретали странную, почти механическую чёткость. Ктото — массивнее, его тело будто наливалось тяжестью, а кожа становилась плотнее, как броня. Ктото, казалось, терял остатки человеческой координации, превращаясь в неуклюжую, но мощную машину для убийства, где грубая сила компенсировала недостаток ловкости.

«Как так?» — мысленно пробормотал Илья, будто пытался спорить с тем, что видел, заставить реальность вернуться в привычные рамки. «Для эволюции нужно время. Клетки не могут делиться так быстро. Разве что... раковые. Но даже раковые клетки не наращивают мышцы и не упрочняют сухожилия за пару часов. Это физически невозможно». Он машинально провёл ладонью по лицу, чувствуя, как грубеет щетина, как кожа кажется чужой, будто он смотрит на себя со стороны, через стекло, которое искажает изображение. «Хотя... что я вообще знаю о зомби? Наверняка есть разумный ответ. Может, это не биология, а какая-то химия. Токсин, гормон, фермент... что-то, что заставляет ткани перестраиваться мгновенно. Или вообще не тело меняется, а... не знаю, какая-то чужая сила его перекраивает. Или это не эволюция, а мутация. Или вообще не наука, а что-то за её пределами».

Эта попытка найти объяснение странным образом его немного успокоила. Не потому, что он нашёл ответ, а потому что мозг снова начал работать, выстраивать цепочки, искать закономерности, а не просто паниковать, отдаваясь на волю страху. «Главное — не принимать увиденное как данность. Всегда есть механизм. И если я пойму механизм, я найду слабое место». В этой мысли таился расчёт, который давал опору там, где не было ничего, кроме паники.

В какой-то момент зомбидоставщик остановился прямо напротив окна. Илья замер, стараясь даже не дышать, будто его дыхание могло выдать его присутствие, как запах крови выдаёт раненое животное. Тварь стояла, наклонив голову, будто прислушивалась к чему-то, к звукам, которые были недоступны человеческому уху, к вибрациям, которые шли сквозь стены и мостовую. Её глаза медленно скользили по поверхности улицы, по стенам, по решёткам, пока наконец не замерли на узком проёме. Илья почувствовал, как по спине пробежал ледяной ток, как будто холод проник под кожу и сковал мышцы, не давая пошевелиться. Тварь знала. Она поняла, что в подвале есть добыча, и это знание делало её ещё опаснее, потому что теперь она не просто искала, она охотилась.

Существо потянулось к окну длинными, неестественно изогнутыми пальцами, попыталось нащупать край, дотянуться. Но проём был слишком узким, слишком неудобным для её роста, как ловушка, рассчитанная на то, чтобы не пустить внутрь то, что не должно там быть. Тварь хрипло зарычала, ударила по кирпичу рядом, снова потянулась. Илья отполз назад, в темноту, стараясь стать невидимым, слиться с тенями, которые теперь были его единственными союзниками. Но даже оттуда он видел, что она не уходит. Она осталась стоять у окна, охраняя добычу, как волк, который нашёл нору с зайцем и теперь не собирается уходить, пока не добьётся своего.

И тут Илья понял ещё одну вещь, от которой стало одновременно и страшнее, и яснее: пока эта тварь здесь, к подвалу никто не приблизится. Ни другие заражённые, ни, тем более, живые. Она отгоняла всех своим присутствием, своей силой, своей агрессией, как магнит, который притягивает только определённое, а остальное отталкивает. Значит, помощи ждать бесполезно. Никто не подойдёт, никто не дернет дверь снаружи, не спасёт его из этой каменной коробки.

Мысль оформилась в голове как неизбежный вывод: эту тварь нужно убрать. Другого выхода нет. Если она исчезнет, двор станет свободным. Другие заражённые не будут держаться рядом с сильным существом, они разойдутся, потеряют концентрацию, станут уязвимее. И тогда появится шанс. Маленький, хрупкий, как мыльный пузырь, который может лопнуть от любого резкого движения, но шанс. Илья сможет выглянуть, позвать, попытаться достучаться до тех, кто ещё остался человеком, до тех, в ком ещё теплилась искра сострадания.

Тогда он решил попробовать подать сигнал. Взял банку горошка из сумки и, стараясь двигаться бесшумно, подполз обратно к слуховому окну. Тварь всё ещё не вернулась. Двор был пуст, если не считать пары медленных фигур, которые брели по краю улицы, будто потерянные.

Он аккуратно приподнял консерву и бросил её в сторону дальнего угла двора — туда, где асфальт уходил в тень между домами. Банка глухо ударилась о покрытие, прокатилась и замерла. Секунды тянулись, как резина. Он затаил дыхание.

Сначала ничего не происходило. Потом один из «медленных» зомби повернул голову, наклонил её, будто прислушиваясь. Сделал шаг к банке, ещё один. И тут из переулка вернулась тварь в форме доставщика. Она замерла, обвела двор тяжёлым взглядом, увидела движущуюся фигуру и рыкнула — громко, властно, так, что даже сквозь кирпичную кладку этот звук отдался внутри. Медленный зомби тут же остановился, опустил голову, будто признавая превосходство, и неуклюже попятился.

Теперь всё стало предельно ясно: двор — её территория. Механика контроля зоны работы без сбоев: сильный враг отпугивал слабых и блокировал доступ выживших. Значит, помощи не будет.

Он снова посмотрел на фигуру у окна. Та всё ещё стояла там, тяжёлая, опасная, уверенная в своём праве на эту территорию, как старый хищник, который знает каждый камень на своём участке. Илья стиснул кулаки, ощущая, как напрягаются мышцы, как в пальцах нарастает напряжение. Паника отступила, уступив место сосредоточенности, холодному расчёту. Он не знал, как это сделать, не знал, хватит ли у него сил и ресурсов. Но он знал одно: без этого шага дальше не будет никакого «дальше». Жизнь превратится в ожидание смерти, в медленное угасание в темноте.

Внезапно зомбидоставщик резко повернул голову в сторону переулка, будто уловил какойто звук, который был для него важнее, чем добыча в подвале. Его плечи напряглись, он издал низкий, утробный рык, который прокатился по двору, как раскат грома, и шагнул прочь от окна. На секунду Илья даже подумал, что опасность миновала, что тварь ушла, что теперь можно перевести дух. Но зомби не ушёл. Он остановился в нескольких метрах, замер, сканируя улицу, а потом снова медленно двинулся к окну. И в этот момент Илья заметил коечто новое: на шее у зомби темнел рваный шрам, которого раньше не было, как будто кожа не успела затянуться, а уже покрылась коркой. Будто он недавно вступил в схватку с кемто не менее опасным, и эта схватка оставила на нём свой след, как клеймо.

«Он не просто становится сильнее, — мысль щёлкнула в сознании, как реле, замыкая цепь. — Он учится выживать. И если он продолжит так меняться...»

Додумать он не успел. Тварь снова уставилась на окно, будто почувствовала на себе взгляд, будто между ними протянулась невидимая нить, которая связывала охотника и добычу. Илья отпрянул в темноту. Существо снова потянулось к проёму, царапая кирпич длинными пальцами. Этот сухой, царапающий звук врезался в сознание, как скрип мела по доске.

Сердце парня колотилось, отдаваясь в висках, в горле, в кончиках пальцев. Теперь он был уверен: ждать, пока кого-то придёт на помощь, бессмысленно. Нужно действовать самому. Но как? В подвале почти ничего нет, а противник с каждой минутой становился всё опаснее, приобретая новые качества, как оружие, которое постоянно совершенствуется.

Он скользнул взглядом вокруг, цепляясь за каждый предмет, будто в их форме прятался шанс на спасение, будто из этих обломков прежней жизни можно было собрать что-то новое, что защитит его. Моток проволоки, пара кусков фанеры, тяжёлая ванна, сумка с продуктами — всё это выглядело жалким набором для того, чтобы выстоять против того, что творилось снаружи, как детская игрушка рядом с настоящей машиной. Но сейчас даже хлам становился ресурсом, если к нему приложить голову, если превратить беспорядок в систему.

Пальцы скользнули по шероховатой поверхности фанеры. И в этот момент он поймал себя на странном чувстве: впервые за вечер паника чуть отступила, уступив место сосредоточенности. Ощущение беспомощности понемногу сменялось уверенностью, пусть даже эта уверенность строилась на крохах плана — на том, как поставить кусок дерева, чтобы он прикрывал, если придётся выглядывать.

Снаружи снова раздался скрежет. Существо у окна опять потянулось к проёму. Он отполз, но уже не наугад, а к заранее примеченному углу — туда, где фанера ляжет удобнее, а ванна прикроет спину. Маршрут был примитивным, но теперь он существовал, и от этого становилось чуть легче — маленький план служил опорой, удерживая его от полного ощущения незащитности.

Он заметил, что поведение твари изменилось. Раньше она просто стояла и скреблась, будто не понимая, как достать добычу, действуя на инстинктах, которые не давали нужного результата. Теперь она отходила на пару шагов, примерялась, снова бросалась к окну — словно проверяла, насколько узкий проём, искала слабинку, пыталась понять механику преграды. В этом проглядывало что-то похожее на расчёт, и от этой мысли по спине пробежал холод, потому что расчёт делал её ещё опаснее — она училась, адаптировалась, становилась умнее.

Гдето на улице снова грохнуло, на этот раз ближе, и звук этот был не просто шумом, а вестником разрушения, который говорил, что хаос подбирается всё ближе. Отсвет пожара стал ярче, и на мостовой заплясали новые тени, длинные и изломанные, как силуэты чудовищ из детских кошмаров. Их было много, и двигались они поразному: одни медленно шаркали, будто каждое движение давалось с трудом, другие неслись рваными рывками, словно кто-то дёргал их за невидимые нити, заставляя двигаться неестественно, с резкими остановками и внезапными ускорениями. Город терял последние признаки порядка. Свет в окнах домов почти погас, и становилось ясно, что скоро исчезнет и вода: без людей, которые управляют системами, инфраструктура долго не протянет.

Глава 3.

Илья сидел в темноте, опираясь на чугунную ванну, и чувствовал, как злость медленно, но верно вытесняет страх. Не на тварь за окном — на себя. Глупость какая: бросить банку, будто это сигнал бедствия, будто кто-то сейчас выбежит из тени, махнёт рукой и крикнет: «Держись, мы идём!» А что они могли сделать, даже если и видели? Ничего. Ни один нормальный человек не полезет к подвалу, у которого дежурит такое. Да и нормальных, похоже, почти не осталось.

«Дурак, — шептал он про себя, стискивая зубы, чтобы не сорваться на крик. — Дурак, который хотел верить, что помощь придёт». Эта злость была горькой, но нужной: она не давала ему свернуться в комок и просто ждать конца. Она заставляла мозг работать, перебирать варианты, искать хоть какую-то лазейку. В груди поднималась холодная волна раздражения, и он цеплялся за неё, как за канат над пропастью: пусть лучше будет эта колючая, неудобная злость, чем липкий, парализующий ужас, который тянет вниз, заставляет закрыть глаза и сдаться.

Он снова окинул взглядом подвал. Проволока, фанера, ванна, сумка, колбаса, пара коротких обломков дерева, которые валялись в углу. Всё это предстояло превратить в рабочий инструмент, в крошечный шанс на выживание. В тусклом свете, пробивавшемся сквозь узкое окно, предметы казались почти декоративными, словно реквизит для сцены, где всё заранее обречено. Но Илья заставлял себя видеть в них не бесполезный хлам, а элементы будущей ловушки — каждую деталь, которую можно пустить в дело. Даже колбаса, хоть и не годилась для боя, напоминала о том, что время идёт, что счёт уже открыт, и каждый день без воды будет приближать его к краю.

Первый вариант он отнёс сразу: попытаться проломить кирпичную кладку рядом с окном. Кирпич старый, местами раскрошившийся, но всё равно крепкий. Чтобы выбить хотя бы один ряд, нужны сила и куча времени. А времени у него не было: без воды два дня — и всё, считай, покойник. Тварь ходила тудасюда, почти вплотную прижимаясь к проёму, будто нюхала воздух. Да и шум привлечёт не только её, но и других. Этот вариант — для отчаяния, когда уже всё равно. Пока он не на этой стадии.

Второй вариант — ждать. Но ждать чего? Что она уйдёт? Что город вдруг оживёт? Нет. Она не уйдёт, пока чувствует здесь добычу. А город умирает. Илья почти физически ощущал, как гаснут огни, как затихают улицы, как рушатся невидимые связи, которые раньше держали этот мир вместе. Этот план был просто отсрочкой, тонкой плёнкой, которая не спасёт, а лишь ненадолго скроет неизбежное.

Третий вариант — заманить её внутрь. Сделать так, чтобы она сама полезла в узкий проём, застряла, а дальше... Дальше он не знал. Проём был слишком узким для её плеч, но слишком широким, чтобы она не смогла просунуть руки. А её руки были страшнее любого ножа: длинные пальцы с утолщёнными суставами, ногти, похожие на когти. Один рывок — и всё. В воображении Илья эта картина вспыхивала слишком ярко: когти, разрывающие воздух, стремительное движение, от которого не увернуться. Он усилием воли гасил эти образы, возвращая себя к расчёту.

Он замер, когда тварь снова прошла мимо окна, на секунду почти закрыв собой проём. И тут его взгляд зацепился за проволоку, намотанную на запястье. Тонкая, но крепкая. Если её правильно использовать... В голове начал складываться план — не как озарение, а как суровая необходимость, единственный путь, где ещё оставалась хоть какая-то возможность действовать.

Зомби ходил взад-вперёд, почти вплотную к окну. Если высунуть проволоку наружу, можно попробовать зацепить ею ногу. Не сильно, просто чтобы петля легла, затянулась, когда он дёрнет. Тварь по инерции сделает шаг вперёд, потеряет равновесие, начнёт падать. И в этот

момент нужно будет резко дёрнуть, опрокинуть её, попытаться втащить ноги внутрь подвала — хотя бы до колен.

Это было самое рискованное: руки и голова твари останутся снаружи. Она будет рваться, царапать, тянуться к нему. Но если успеть привязать её ноги к ножке ванны — тяжёлой, чугунной, намертво вмурованной в пол, — появится хоть какая-то фора. Проволока выдержит: он проверял. Ванна не сдвинется. А значит, у него будет время, чтобы добить её.

Среди мусора он заметил короткий обломок доски — ровно сантиметров десять, не больше. Заострённый с одного конца, будто кто-то когда-то пытался сделать из него колышек. Если дождаться, когда тварь начнёт поворачиваться, попытается дотянуться до него, и воткнуть этот кусок дерева в глаз... Прямо в глазницу, глубоко, в мозг. Это должно сработать. Должно. Мысль была жёсткой, почти механической, и Илья цеплялся за эту механику, потому что она не оставляла места для эмоций.

Он перекачивал этот план в голове снова и снова, выискивая слабые места. Что, если петля соскользнёт? Что, если тварь не потеряет равновесие? Что, если он не успеет привязать ноги? Что, если она дотянется до него раньше? Каждый «если» был дырой в броне его плана. Но других идей не было. Этот был плохим, опасным, почти обречённым — но он был единственным, который давал хоть какой-то шанс. Остальные варианты были просто способами сдаться.

«Ладно, — прошептал он, сжимая в пальцах конец проволоки. — Пусть плохой. Пусть рискованный. Но это действие. А действие лучше, чем ожидание». Слова прозвучали тихо, почти беззвучно, но в них была опора — как будто, произнеся их, он заключил с собой договор: не сдаваться, пока есть хоть малейшая возможность что-то сделать.

Он подполз к окну, стараясь не шуметь, и замер, прислушиваясь к ритму шагов твари. Туда... обратно... туда... Она двигалась по одному и тому же маршруту, будто у неё в голове щёлкал какой-то примитивный алгоритм. И этот ритм, эта предсказуемость сейчас были его союзниками. В тишине подвала каждый шаг снаружи звучал отчётливо, как удары метронома, отсчитывающего секунды. Илья старался дышать ровно, не поддаваться желанию ускорить события, потому что спешка здесь была врагом.

Один конец проволоки он намотал на палочку, чтобы не резало руки, когда нужно будет дёргать и тащить. Вязальная проволока не так надёжна, как стальная. Илья сложил её в три ряда и сделал крюк на конце. «Зацеплю за ногу, а там сам запутается при ходьбе», — пронеслось у него в голове. Пальцы привычно, почти машинально завязывали узлы, проверяли натяжение, ощупывали изгиб крюка. В этом повторении простых движений было что-то успокаивающее: тело помнило, как обращаться с проволокой, как делать петли, как рассчитывать усилие.

Осторожно, миллиметр за миллиметром, он высунул проволоку в проём. Не всю — только крюк. Она должна быть готова к зацепу. Он замер, следя за движением твари. Ещё шаг... ещё... вот она поравнялась с окном, чуть наклонилась, будто что-то почуяла. Воздух между ними, тонкий, как лезвие, будто звенел от напряжения. Илья чувствовал, как по спине стекает капля пота, как мышцы плеч и шеи становятся твёрдыми, словно отлитыми из металла. Сейчас.

И вдруг в эту секунду, прямо перед тем, как он должен был дёрнуть проволоку, в памяти всплыла картинка из детства — ясная, будто это было вчера. Они с дедом шли по лесу ранним утром, когда туман ещё стелился по земле, а воздух пах мокрой хвоей и прелой листвой. Дед молча показывал, как ставить петли на зайцев: не на силу, а на хитрость. «Главное, — говорил он тихо, чтобы не спугнуть лес, — не чтобы крепко держало, а чтобы зверь сам себя затянул. Он побежит, дёрнет, и петля сработает против него самого. Хитрость в том, чтобы он думал, что свободен, а на деле уже попался».

Илья тогда кивал, стараясь запомнить каждое движение: как дед складывал проволоку, как крепил её к ветке, как выбирал место, где заяц обязательно пойдёт. Ему казалось, что это какая-то магия — тонкая проволока против сильного зверя. А дед улыбался и говорил: «Не против зверя, Илюха. Против его паники. Зверь дёргается, а паника его и губит».

Сейчас эта мысль легла в сознание тяжёлым, но нужным грузом. Он не собирался полагаться на грубую силу. Он ставил петлю, чтобы тварь сама себя затянула. Её ярость, её инерция, её желание добраться до него — вот что должно было стать её ловушкой. В этой идее была странная, почти жестокая логика: использовать против врага его же природу. Илья вдруг почувствовал, как внутри что-то встаёт на место: не эйфория, не уверенность, а холодный, собранный расчёт, в котором нет места надежде, но есть место действию.

Он глубоко вдохнул, прогоняя воспоминание, но оставляя в себе эту холодную уверенность. Пальцы крепче сжали палочку, на которую была намотана проволока. Ритм шагов за окном не менялся: туда... обратно... сейчас. Время будто растянулось, и в этой растянутой секунде Илья успевал заметить каждую мелочь: как дрожит проволока на ветру, как в узком проёме мелькает тень, как воздух становится тяжелее, словно перед грозой. Он ждал нужного момента, зная, что ошибка будет стоить слишком дорого.

Глава 4.

Он не стал бросаться вперёд, не стал дёргать проволоку раньше времени. Просто замер, вжался в темноту и смотрел, как тварь сама роет себе яму. В этой неподвижности чувствовалась предельная собранность — каждая мышца была напряжена, каждый нерв будто звенел от ожидания, а взгляд не упускал ни малейшего движения.

Зомби ходил тудасюда, почти вплотную к проёму, будто какойто примитивный, упрямый инстинкт заставлял его снова и снова возвращаться к окну, к этому узкому срезу света, где таилась добыча. И каждый раз, делая шаг, он запутывал проволоку — ту самую, что Илья заранее вытянул в проём и закрепил на выступе кирпича, шершавом и неровном, будто сама кладка помогала ему, подставляя надёжную опору. Тварь шла по ней, не замечая тонкой ловушки, не чувствуя угрозы в этой незаметной нити. Снова шаг. Ещё шаг. Проволока цеплялась, скользила по грубой ткани формы, огибала лодыжку, чуть затягивалась — совсем незаметно, без усилия, почти ласково, как будто сама тьма помогала Илье, пряча опасность в полутени. Илья не дёргал. Не торопил. Он помнил слова деда: «Пусть зверь сам затянет петлю. Его спешка — твоя сила». И сейчас эта фраза звучала в голове как инструкция, как единственный надёжный компас в мире, где привычные ориентиры рассыпались в пыль.

Тварь не чувствовала подвоха. Она продолжала ходить, раздражённая, нетерпеливая, будто гнев гнал её по этому короткому, бессмысленному маршруту. И с каждым шагом петли ложились плотнее, проволока скручивалась вокруг ноги, цеплялась за швы, за грубые складки ткани, за выступающие части ботинок. Она сама себя запутывала — собственной яростью, собственной слепотой. В этом было чтото почти трагическое: чудовище, не ведающее, как его же ярость становится инструментом чужой воли.

Илья ждал. Сердце колотилось, но он не шевелился. Только глаза следили за каждым движением, за тем, как меняется баланс твари, как она чуть наклоняется вперёд, как переносит вес, как в какойто момент её шаг становится неуверенным — будто земля под ногой вдруг стала скользкой, предательски ненадёжной. Он фиксировал эти микросдвиги, понимая, что малейшее изменение может стать сигналом. В темноте подвала время растягивалось, и каждая секунда ощущалась как отдельный, тяжёлый пласт, который нужно было выдержать, не сломавшись.

Вот он. Тот самый миг.

Она сделала ещё один шаг, слишком широкий, слишком резкий, и проволока, уже плотно обхватившая ногу, вдруг сработала как подножка. Тварь пошатнулась, потеряла равновесие, качнулась вперёд. Илья не тянул. Не дёргал всей силой. Только чуть подсёк — лёгким, точным рывком, будто подставил ей невидимую ножку. Этого хватило.

Она начала падать. Не назад, где могла бы просто встать, а вперёд — прямо в проём. Её плечи ударились о края, кирпич царапнул ткань, но инерция была сильнее. Руки метнулись вперёд, цепляясь за воздух, за кирпичи, за край окна. Одна рука пролезла внутрь первой, длинные пальцы скребли по стене, пытаясь найти опору, и звук этих когтей по кирпичу был сухим, резким, будто ктото царапал стекло изнутри.

Илья отполз, прижался к стене, но теперь это была не паника — он занял удобную позицию. Он видел, как ноги твари, всё ещё спутанные проволокой, дёргаются, пытаются найти точку опоры, которой нет. Она возилась у окна, не могла выпрямиться, каждое движение только сильнее затягивало проволоку, превращая её ярость в её же оковы. В этом странном, уродливом танце отчаяния и инерции была пугающая закономерность: чем сильнее она сопротивлялась, тем крепче становилась ловушка.

В темноте пальцы Ильи снова нащупали палочку с намоткой, которую он выпустил ранее, испугавшись. Он вцепился в неё, потянул — теперь уже всерьёз, резко, используя вес своего

тела. Тварь взвыла, дёрнулась, но узел держал. Ноги наполовину оказались внутри проёма. Илья снова дёрнул, подтягивая их глубже в проём, ближе к внутренней части подвала.

Его пальцы дрожали, но он не останавливался. Обмотал проволоку вокруг чугунной ножки, затянул узел, проверил — держится. Теперь ноги твари были зафиксированы. Она дёргалась, рвалась, пыталась дотянуться до него, но ванна стояла намертво, тяжёлая, вмурованная в пол, как якорь в шторм. Металл и камень стали опорой, на которую можно было положиться.

Одна рука всё же пролезла дальше, почти дотянулась до его плеча. Илья отшатнулся, едва не ударившись головой о стену. Колышек. Где колышек?! Пальцы нащупали короткий заострённый обломок доски. Он сжал его, как последнюю опору в рушащемся мире. Дерево было шершавым, неровным, с зазубринами, будто кто-то когда-то пытался придать ему форму, но так и не закончил работу. Сейчас эта незавершённость не имела значения. Значение имел только острый конец.

Бить в лицо не получалось. Колышек был слишком коротким, а рука твари — слишком длинной. Она махала, царапала воздух, и каждый раз, когда когти проходили в сантиметре от его кожи, по спине пробегал ледяной холод, такой острый, что казалось, будто по телу провели осколком льда. Илья ждал. Не бросался вперёд, не пытался ударить наугад. Он ждал, когда она повернётся, когда её голова окажется ближе. Тварь дёргалась, тянулась, пыталась просунуть вторую руку, и в какой-то момент её лицо чуть наклонилось, выглянуло в проём, будто она хотела увидеть, где он прячется. В этом искажённом, перекошенном лице было что-то нечеловеческое, и всё же в нём угадывались остатки прежнего облика — и от этого становилось ещё страшнее.

Вот он. Момент.

Илья метнулся вперёд, вытянул руку, вложил в удар всю силу, какую смог собрать. Колышек скользнул, не попал. Промач. Он отпрянул, сердце билось где-то в ушах, заглушая даже её рёв, превращая мир в сплошной гул, в котором не было ничего, кроме пульсации крови и необходимости выжить.

Ещё раз.

Она снова дёрнулась, попыталась подтянуться, и её голова на секунду оказалась почти у самого края окна. Илья снова рванулся вперёд. Удар. Ещё удар. Колышек царапнул плоть, скользнул по виску. Мимо.

Паника подкатывала к горлу, но он стиснул зубы. Не сейчас. Не здесь. В темноте, где каждый звук казался громче, а каждая тень — угрозой, он заставил себя думать. Взгляд упал на петлю проволоки — одну из заготовок, сделанную ранее и забракованную, потому что казалась не слишком прочной. Теперь эта «не слишком прочная» петля стала шансом, единственной возможностью выиграть ещё несколько секунд.

Он накинул петлю на вытянутую руку зомбидоставщика. Тонкая проволока скользнула, затянулась на запястье. Илья потянул, привязал конец к той же ножке ванны. Теперь и рука была зафиксирована. Голова твари приблизилась к окну — она дёргалась, пыталась освободиться, и каждое движение только сильнее прижимало её к кирпичному проёму, словно сама стена помогала Илье, удерживая врага в ловушке.

Теперь у него было несколько секунд. Не много. Но достаточно.

Илья снова поднял колышек. Прицелился. В этот раз он не бросался вперёд — он шагнул ровно, коротко, без размаха, и воткнул дерево прямо в глазницу. Глубоко. До упора.

На секунду всё замерло. Тварь перестала дёргаться. Её рука обмякла. Глаза — один целый, другой закрытый тёмной, неровной раной, — будто остекленели. И затем она затихла. Полностью. Навсегда.

Тишина обрушилась на подвал, тяжёлая, густая, почти осязаемая, как плотный туман, который заполняет пространство, вытесняя всё остальное. Илья сидел, прижавшись к стене, и пытался заставить пальцы разжаться, выпустить колышек. Руки дрожали. В ушах всё ещё

стоял её рёв, хотя теперь это был просто отголосок, эхо, которое медленно таяло в темноте, растворяясь в тишине, которая казалась почти неестественной после всего, что произошло.

Он справился. Выстоял за счёт собранности, за счёт того, что цеплялся за каждую секунду, за каждый миллиметр, за каждую мысль, которая помогала ему не сойти с ума. И сейчас, когда опасность миновала, на него накатила усталость — тяжёлая, свинцовая, будто все силы, которые он удерживал для боя, разом покинули тело, оставив только пустоту и дрожь.

Глава 5.

Тишина после схватки давила сильнее любого рёва — она была не просто отсутствием звука, а чемто плотным, осязаемым, будто воздух в подвале сгустился и стал вязким, тяжёлым, словно пропитанным напряжением, которое ещё витало в воздухе. Илья сидел, привалившись к стене, и пытался унять дрожь, которая никак не хотела уходить из пальцев. Казалось, что даже кости вибрируют, отзываясь на эхо только что пережитого ужаса. Колышек выпал из руки и теперь лежал рядом — тупой, короткий, нелепый, будто детская игрушка, а не орудие убийства. Но он сработал. Тварь за окном больше не дёргалась, не скреблась, не пыталась дотянуться. Она застыла, наполовину в подвале, наполовину снаружи, тяжёлая, неподвижная, чужая даже в своей неподвижности, словно сама смерть придала ей новую, неестественную форму.

Илья не спешил радоваться. Победа над одной тварью не означала, что опасность миновала. Наоборот, тишина казалась подозрительной — будто мир затаил дыхание, прислушиваясь к нему, выжидая, проверяя, насколько он слаб. Он медленно, стараясь не делать резких движений, подтянул к себе сумку, проверил, не рассыпалось ли содержимое. Внутри всё ещё лежала колбаса — сухая, жёсткая, но еда. А еда сейчас была почти так же ценна, как вода, и в этом уравнении выживания каждый кусочек имел вес, равный золоту.

Он отломил кусочек, сунул в рот и заставил себя прожевать и проглотить. Вкус казался пресным, почти безжизненным, как будто сам мир потерял краски, выцвел, лишился сочности. Илья напоминал себе, что силы ещё понадобятся — ведь неизвестно, сколько ещё придётся сидеть в темноте, ждать, прятаться, сражаться. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он оказался в этом подвале. Часы будто остановились вместе с городом, и время здесь измерялось не стрелками, а ударами сердца, шорохами, вспышками страха и редкими мгновениями затишья.

Внезапно снаружи донёсся тихий, едва уловимый скрежет. Звук был странным — не шарканье ног, не тяжёлый шаг, а что-то быстрое, суетливое, будто кто-то торопливо перебирал лапами по кирпичу, царапая его неровную поверхность. Илья замер, прислушиваясь, и в этот миг ему показалось, что даже его дыхание стало громче, будто оно могло выдать его присутствие. Скрежет повторился, потом к нему прибавился ещё один, и ещё. Словно стая мелких существ двигалась вдоль стены, обходя препятствие.

Препятствием был труп.

Илья осторожно подполз к проёму, стараясь укрыться в густой тени, где мрак становился почти материальным, плотным, способным спрятать от чужих глаз. Он выглянул наружу, едва высунув голову, и то, что он увидел, заставило его сердце сжаться в тугой узел, а кожу покрыть ледяными мурашками.

У ног мёртвого зомби копошились крысы. Обычные серые крысы, но в их движениях было что-то неправильное, рваное, лихорадочное. Ими двигал чистый голод — такой острый, что заглушал инстинкт самосохранения, заставлял бросаться на риск, разрывать ткань и плоть, тянуть куски на себя, будто каждое мгновение промедления могло стать роковым. И среди них мелькали другие фигуры — крысы, которые двигались иначе. Их движения были ещё более дёргаными, глаза казались мутными, словно затянутыми белёсой плёнкой, а из ран сочилась тёмная, вязкая жидкость, липкая и зловещая в тусклом свете сумерек. Зомбикрысы.

Они кружили у трупа, но время от времени бросали жадные взгляды в сторону проёма. Пространство было узким, и тело мертвеца перекрывало большую часть входа, но для крыс этого хватало. Одна из них, самая дерзкая, метнулась вперёд, пытаясь проскользнуть в щель между кирпичной кладкой и ногой зомби. Илья не раздумывал. Он схватил палочку, на которую была намотана проволока, — острый, расщеплённый конец торчал вперёд, как примитивный нож, грубый, но смертоносный в этой тесноте. Резкий выпад — и палочка чиркнула по

боку крысы. Та взвизгнула, отпрянула, шерсть на её боку вздыбилась, и в этом пронзительном звуке было столько паники, что на секунду он показался почти человеческим, отчего по спине Ильи пробежал новый, ещё более острый холод.

Вторая крыса попыталась сунуться следом, но Илья снова взмахнул палочкой. На этот раз он не просто отпугивал — он метил в пространство перед собой, перекрывая лазейку, превращая узкий проём в непреодолимую преграду. Палочка ударилась о кирпич, высекая крошку, и звук этот, резкий и глухой, заставил тварей отшатнуться. Они замерли на мгновение, переглянулись, будто обмениваясь безмолвными сигналами, а потом, потеряв интерес к труднодоступной добыче, развернулись и бросились прочь, туда, где труп лежал открыто и манил запахом разложения, сладким для их искажённых инстинктов.

Стая ушла, оставив после себя только тихий шорох удаляющихся шагов и едкий запах мокрой шерсти и гнили, который медленно просачивался в подвал, смешиваясь с затхлым воздухом подземелья. Илья выдохнул, но расслабляться не спешил. Он знал: в этом новом мире тишина редко означала безопасность, чаще она была лишь паузой между ударами, затишьем перед новой бурей.

И он не ошибся.

Из темноты двора, медленно, с трудом переставляя ноги, вышел ещё один зомби. Этот был крупнее, массивнее, будто до заражения был крепким мужчиной, привыкшим полагаться на силу и выносливость. В его голове, прямо в виске, торчала отвёртка — ржавая, погнутая, будто кто-то пытался защититься в последние секунды жизни, вкладывая в удар всю оставшуюся надежду. Он двигался неловко, припадая на одну ногу, каждый шаг давался ему с трудом, словно тело сопротивлялось приказам мёртвого мозга, цеплялось за остатки прежней координации.

Зомби наклонился, схватил мёртвого собрата за плечо, дёрнул, отрывая кусок плоти. Илья едва сдержал рвотный позыв, наблюдая, как тварь жадно заглатывает сырое мясо, и в этом зрелище было что-то настолько противоестественное, что реальность на секунду будто треснула, потеряла чёткие очертания. Но то, что произошло дальше, поразило его сильнее, пробив даже пелену ужаса.

Пока зомби пожирал мертвеца, его тело понемногу менялось. Плечи расправлялись, движения становились увереннее, рука, которая до этого висела плетью, начала двигаться свободнее, будто восстанавливая утраченную связь с телом. И самое невероятное — отвёртка, торчавшая в виске, вдруг дрогнула, зашаталась... и выпала. Из раны хлынула густая, тёмная жидкость, стекая по щеке, капая на землю тяжёлыми, медленными каплями. Зомби на секунду замер, будто прислушиваясь к себе, затем встряхнул головой, и его движения стали почти человеческими, пугающе естественными. Он выпрямился, огляделся, словно заново оценивая мир, и, не обращая внимания на остатки трапезы, пошёл прочь, уверенно, твёрдо, будто и не было никакой раны, будто сама смерть была лишь временной помехой.

Илья смотрел ему вслед, не в силах поверить в то, что только что увидел. Зомби лечились. Поедая себе подобных, они восстанавливали повреждения. Отвёртка в голове, которая должна была стать смертельным ударом, оказалась просто временной помехой. Вирус или то, что управляло этими существами, могло регенерировать даже такие травмы, превращая смерть в паузу, а не в финал.

Когда силуэт крупного зомби растворился в темноте, подвал снова погрузился в полумрак, нарушаемый только тусклым светом, падающим из проёма, словно узкой полосой чужого, холодного дня. И в этом свете мелькнула ещё одна тень. Маленькая, юркая, почти незаметная.

Крыса.

Она не была похожа на тех, что кружили у трупа. Её движения не были дёрганymi, глаза не казались мутными. Она была просто голодной. И напуганной. Она замерла на границе света

и тени, принюхиваясь, водя носом из стороны в сторону, будто пыталась уловить малейшие оттенки запахов, разобрать, где опасность, а где шанс. Запах колбасы ударил ей в ноздри, и голод пересилил страх, прорвав тонкую нить осторожности.

Крыса метнулась вперёд — не к труп, а к углу, где лежала сумка. Она не смотрела на Илью. Не видела в нём угрозы. Для неё он был просто частью мрака, безмолвной и неподвижной, а колбаса — единственным шансом выжить в этом враждебном мире. Она вцепилась в сухой кусок, жадно глотая, не замечая ничего вокруг, её маленькие челюсти работали быстро, отчаянно, будто она боялась, что кто-то отнимет у неё эту кроху.

Илья замер. Он мог бы просто откинуть сумку, спугнуть её, дать ей убежать, и совесть, возможно, шепнула бы ему, что это правильный выбор. Но в этот момент он подумал о воде, о еде, о том, сколько дней он уже провёл в этом подвале без нормальной пищи, когда каждый глоток и каждый кусок становились мерой жизни. И ещё он подумал о том, что в этом новом мире нельзя позволять себе быть слабым. Даже к маленькой крысе нужно относиться как к ресурсу, как к возможности продлить своё существование ещё на несколько часов.

Он медленно поднял палочку. Острый конец смотрел вперёд, простой и безжалостный в своей функциональности. Крыса всё ещё не замечала его. Она была слишком сосредоточена на еде, слишком измучена голодом, чтобы реагировать на опасность, и в этой беззащитности не было ничего трогательного — только жестокая правда выживания, где слабость становилась приговором.

Илья сделал короткий, резкий выпад.

Палочка вошла в бок крысы, не глубоко, но достаточно, чтобы разорвать кожу и мышцы, нарушить хрупкий баланс жизни. Крыса взвизгнула — высоко, пронзительно, почти подетски, и этот звук ударил по нервам, напомнив о чём-то давно забытом, о мире, где боль была поводом для слёз. Она выпустила колбасу из зубов, попыталась отскочить, но силы уже покидали её. Рана была серьёзной, рваной, кровь сочилась из неё, стекая на грязный пол, смешиваясь с пылью и оставляя тёмный след.

Крыса попятилась, споткнулась о кусок фанеры, упала на бок. Её лапки судорожно дёргались, пытаясь найти опору, но каждый вздох давался ей всё труднее, а свет в глазах тускнел, уступая место пустоте. Илья смотрел, как она умирает, и в груди поднималась странная, горькая смесь облегчения и тяжести. Она была живой. Настоящей. Не заражённой. И теперь она истекала кровью в его подвале, потому что он не смог позволить себе милосердие — не потому что был жестоким, а потому что милосердие здесь было роскошью, которую он не мог себе позволить.

Через несколько минут всё было кончено. Крыса затихла, её глаза остекленели, а вокруг тела растеклась тёмная лужа, медленно впитываясь в старый бетон. Илья отложил палочку и снова прижался к стене. Он не чувствовал себя победителем. Он просто сделал то, что должен был сделать, чтобы выжить ещё один день, и эта необходимость, сухая и безжалостная, оставила в душе пустоту, которую нечем было заполнить.

Глава 6.

Город затихал, но тишина эта была не мирной — она была выжидающей, будто сам воздух застыл в напряжённом предчувствии. Илья сидел в углу, подтянув колени к груди, и слушал, как ночь перебирает звуки, словно бусины на нитке: далёкий, уже почти безжизненный вой сирены, редкий выстрел где-то на другом конце района, шорох, который мог быть ветром, а мог быть кем-то живым. Или не совсем живым.

Он не пытался уснуть. Сон сейчас казался чем-то из прошлой жизни — как горячий душ, как чашка кофе по утрам, как разговор ни о чём с соседом у лифта. Теперь вместо этого у него был давно севший телефон — бесполезный кусок пластика и металла, лежавший в кармане, словно напоминание о рухнувшей цивилизации. Темнота давила тяжёлой, плотной пеленой, а мысли крутились по одному и тому же маршруту, не находя выхода.

Илья перебирал в голове всё, что видел. Сначала он пытался найти объяснение, цепляясь за привычные рамки: это учения, это массовая истерия, это какой-то новый газ, вызывающий агрессию. Но реальность упорно не хотела укладываться в эти коробки. Слишком много деталей не сходилось. Слишком много было крови, слишком много отчаяния в тех криках, что доносились в первые часы, когда ещё казалось, что всё можно остановить.

Теперь он воспринимал происходящее не как временный сбой, а как установившийся порядок вещей — новую реальность, в которой прежние законы больше не действовали. И от этого становилось ещё страшнее: ведь принятие означало, что возврата не будет.

Зомби менялись. Он видел это своими глазами: крупный, с отвёрткой в голове, который сначала едва переставлял ноги, а потом, наевшись, пошёл ровно, уверенно, будто и не было никакой раны. Значит, они лечились. Или вирус в них учился. Находил способы компенсировать повреждения, использовать ресурсы, становиться опаснее.

«Сначала они брали количеством, — думал Илья, будто записывал в невидимый блокнот. — Жертв было много, они были напуганы, метались, не знали, куда бежать. Для них это был праздник. А потом... потом жертв стало меньше. Люди прятались, баррикадировались, учились не шуметь. И тогда зомби пришлось меняться. Приспосабливаться».

Он вспомнил крыс. Обычных крыс, которых он раньше почти не замечал. Теперь они стали частью этого нового порядка. Одни были заражены, дёрганные, безумные. Другие — просто голодные, загнанные в угол обстоятельствами. И он убил одну из них. Не потому, что она была опасна. А потому, что колбаса была последней, а сил оставалось всё меньше.

Эта мысль царапала изнутри, как ржавый гвоздь, оставляя тонкие, но глубокие борозды в сознании. Он не хотел становиться таким: расчётливым, холодным, оценивающим каждую живую тварь только с точки зрения пользы. Но, похоже, другого способа выжить здесь не было.

«Может, я уже обречён, — пронеслось в голове, и он не стал отгонять эту мысль, позволил ей побыть рядом, привыкнуть к ней. — Даже если я выберусь отсюда... куда? На улицу, где за каждым поворотом или в глухом закутке может притаиться тварь, где любой звук выдаёт твоё местоположение, где люди, возможно, стали опаснее самих зомби? Может, этот подвал — моё последнее убежище. Может, многие сейчас мечтали бы оказаться на моём месте: пусть тесно, пусть страшно, но относительно безопасно. Пусть есть хоть какая-то стена между мной и этим безумием».

Но даже эта мысль не приносила утешения. Потому что безопасность подвала была временной. Запасы таяли с пугающей скоростью. Воды не было вовсе. А тишина снаружи становилась всё более зловещей, будто город затаил дыхание перед новым ударом.

Илья посмотрел на палочку с проволокой, лежавшую рядом. Привычный предмет, ставший оружием. Он покрутил её в пальцах, чувствуя шероховатость дерева, холодный блеск металла. Это было всё, что у него оставалось. И этого было катастрофически мало.

Время тянулось, как резина. Минуты сливались в часы, часы — в вечность. Он пытался не думать, просто сидеть и слушать. Но мысли возвращались, цеплялись друг за друга, выстраивались в мрачные цепочки, из которых не было выхода.

«Если они продолжают меняться, — думал он, — то скоро им станет мало просто бродить и искать. Они начнут искать умнее. Будут проверять двери, прислушиваться к звукам, искать слабые места. И тогда подвал перестанет быть укрытием. Тогда придётся бежать. А бежать некуда».

Гдето далеко снова раздался выстрел. Короткий, резкий, как щелчок пальцами. И снова тишина. Только теперь она казалась ещё тяжелее, будто сама ночь прислушивалась, ждала, что будет дальше, и даже ветер перестал шевелиться, чтобы не выдать чьего-то тайного движения.

Илья прислонился затылком к холодной стене и закрыл глаза. Не для того, чтобы уснуть, — просто чтобы на секунду перестать видеть эту темноту, которая уже въелась в сетчатку, отпечаталась перед веками. Но перед внутренним взором всё равно стояли картины: дёргающиеся крысы, крупный зомби, который становился сильнее с каждым куском, мёртвая крыса у его ног.

«Что будет завтра?» — подумал он. И не нашёл ответа.

Глава 7.

Илья не понял, в какой момент он провалился в сон. Ещё секунду назад он сидел, привалившись к стене, и прислушивался к тишине, а в следующий миг темнота накрыла его, как тяжёлое одеяло. Когда он открыл глаза, в проём лился дневной свет — тусклый, пыльный, но настоящий. Солнце стояло высоко: судя по углу падения лучей, было уже ближе к обеду.

Он попытался подняться, но тело отозвалось не привычной усталостью, а чемто странным, будто внутри что-то сдвинулось, нарушив привычную механику. Голова закружилась, и на мгновение мир перед глазами потемнел, словно кто-то на секунду опустил плотную штору. Илья замер, зажмурился, потом снова открыл глаза. Зрение вернулось, но стало неестественно чётким: он вдруг разглядел каждую трещинку в кирпиче напротив, каждую пылинку, медленно плывущую в луче света. Потом резкость так же внезапно пропала, и всё снова расплылось в мутную серую пелену.

Это пугало.

«Заражение, — мелькнула паническая мысль, и он тут же попытался её отогнать. — Нет. Просто обезвоживание. Просто голод. Просто нервы». Но мысль уже вцепилась в сознание, как крыса в кусок мяса: если вирус берёт своё именно так — через скачки восприятия, через боль, через эту странную, пугающую настройку тела, — то он уже на пороге превращения.

Организм требовал своего. Жажда была такой острой, будто он неделю провёл под палящим солнцем. Руки дрожали, когда он потянулся к сумке. Воды нет и не было. Жалкий пакетик сока, 0,2 л. Илья пил размеренно, будто каждое глотательное движение нужно было выверять, чтобы не спугнуть хрупкое ощущение, что он ещё держится. Он прислушивался к себе, ждал, что после этого в нём что-то шёлкнет, сломается окончательно. Но ничего не происходило. Только сухость во рту отступила, сменившись слабой надеждой.

А потом он добрался до еды. В сумке лежали остатки колбасы, пара сухарей, плитка шоколада — то, что он берёт на самый крайний случай. И сейчас этот случай наступил. Он ел без спешки, не пытаясь урвать побольше, просто отправляя куски в рот, как топливо в топку. Желудок сначала протестовал, сжимался от непривычной нагрузки, а потом жадно принял пищу, будто подтверждая: ты ещё живой, ты ещё можешь бороться.

Но облегчение длилось недолго.

Вскоре боль вернулась, только теперь она была не в голове, а где-то глубже, будто сам организм перестраивался изнутри. Илья чувствовал, как по спине стекает холодный пот, как мышцы то напрягаются до судорог, то вдруг становятся вялыми, почти чужими. Он снова сел, прислонившись к стене, пытаясь унять дрожь.

Слух начал играть с ним злые шутки. То он вдруг слышал отчётливые шаги прямо за стеной — тяжёлые, уверенные, будто кто-то намеренно топал, проверяя, жив ли он. Илья вжимался в угол, сжимал палочку с проволокой, ждал удара... и через мгновение шаги растворялись в тишине. А потом тишина становилась такой плотной, что он переставал слышать даже собственное дыхание. И в этой мёртвой тишине любой звук — скрип, шорох, далёкий стон — звучал как выстрел.

«Это не они, — повторял он про себя, как заклинание. — Это не зомби. Это у меня в голове. От голода. От усталости. От страха».

День тянулся бесконечно. Илья то проваливался в короткий, беспокойный сон на двадцать–тридцать минут, то резко просыпался, будто его дёргали за плечо. И каждый раз пробуждение было странным: на несколько минут он чувствовал себя неожиданно бодрым, ясным, будто все силы вернулись разом. А потом бодрость так же внезапно уходила, сменяясь свинцовой тяжестью, и он снова опускал голову, позволяя темноте забрать его на эти короткие мгновения.

К вечеру тело будто смирилось с происходящим. Боль не исчезла, но стала привычной, фоновой, как шум старого холодильника. Пот высох, дрожь утихла. И самое странное — он вдруг почувствовал себя... нормально. Лучше, чем нормально. В голове прояснилось, зрение стало ровным, без этих пугающих скачков. Даже тишина перестала давить, будто теперь он умел её слушать, различать в ней оттенки.

Илья сидел, прислонившись к стене, и впервые за весь день не чувствовал, что вот-вот сломается. Он глубоко вдохнул, ощущая не только запах сырости и пыли, но и что-то ещё — будто сам воздух стал чище, прозрачнее.

И в этот момент, когда он подумал, что худшее, возможно, уже позади, перед глазами вспыхнула надпись. Она не рождалась внутри сознания — она существовала отдельно, в самом пространстве перед ним, полупрозрачная, но отчётливо читаемая, будто проецировалась прямо на сетчатку:

Система установлена успешно.

Ил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.